Ее причуда делает ее фантастической медсестрой, получившей лицензию, которая по сути переводится как "вы можете использовать свою причуду, но только на рабочем месте". Это смешно, почему закон должен запрещать медсестре помогать людям в любое удобное для нее время?

После того, как мои синяки зажили, Энни выглядит немного менее энергичной, и на мгновение возникает чувство вины, но я быстро подавляю его, она решила вылечить меня, чтобы иметь возможность справиться с последствиями. Так и должен работать мир, ты пожинаешь то, что сеешь. Жаль, что у меня нет сил пожинать.

Для меня несбыточная мечта стать кем-то в этом мире, одержимом властью, у меня нет возможности приобрести причуду, если я не стану "героем" или не присягну на верность "Все За Одного", что вряд ли закончится для меня хорошо, меня могут превратить в Ному насколько я знаю.

Отбросив подобные мысли, я попытался насладиться куриным супом, который стоял прямо передо мной, отхлебывая из ложки, однако вместо того, чтобы помочь мне собраться с мыслями, это только раздражало меня, и внезапно я больше не был голоден.

Как только моя приемная мать удовлетворилась тем, что я съел ее посредственный суп, я поплелся обратно в свою комнату, чтобы спрятаться от всего мира и собраться со своими мыслями.

В моей комнате не было ничего особенного, в ней был ноутбук, стол для выполнения домашних заданий, удобная кровать, на которой я мог спать. Сказать, что это лучшее место, в котором я когда-либо был приемным ребенком, было бы преуменьшением.

Мне нечего было делать в эту холодную, темную зимнюю ночь, ни домашней работы, ни планов, ни друзей, с которыми можно было бы потусоваться. Мне нечего было делать.

Натянув пижаму, я забрался в постель и некоторое время просто смотрел в потолок, мои мысли были затуманены простотой белого цвета в моем видении, который, казалось, становился темнее, чем больше я на него смотрел.

Чем больше я думал о своем невезении, тем больше мне хотелось просто забыть о своих проблемах и позволить облегчению сна нахлынуть на меня, избавить меня от моих собственных циничных мыслей до завтра, не думать о том, как мне не повезло родиться среди менее чем пяти процентов тех, кто не получает любое улучшение в этом мире, лишь бы не думать о своих собственных несчастьях. Забыть все это и позволить тьме овладеть-

Последнее, что я услышал перед тем, как мое зрение отключилось, было ощущение жара на моем лице.

Я задыхался и тяжело дышал, когда моя вялость быстро исчезла, и мое тело перешло в режим "сражайся или беги" при виде горящего дерева и волн огня, которые окружают меня.

С огромным трудом поднявшись на ноги и не обращая внимания на жжение, которое ощущалось над моей правой щекой, я запаниковал, увидев, что мой дом лежит в руинах вокруг меня.

— Энни! Энни, ты здесь?! — Я закричал, когда вся серьезность ситуации обрушилась на меня с головой, и я не мог не беспокоиться о своей матери и о том, жива ли она вообще.

Зная, что оставаться в горящем доме небезопасно, я начал медленно и осторожно пробираться к месту, которое, как я узнал, является выходом из моего дома.

— Рёто! — Раздался знакомый женский голос.

Услышав звук ее голоса, я понял, что Энни где-то рядом, и решил отказаться от возможности оставить ее позади, и побежал в горящую комнату, которая когда-то напоминала нашу гостиную, чтобы увидеть Энни-

С ее ногами, погребенными под обломками.

Глядя на ее ноги или на торчащие осколки, нетрудно было понять, что они сломаны. Она не смогла бы убежать, даже если бы мне удалось ее вытащить.

По логике вещей, я должен оставить ее и спасти себя, рационально говоря, я должен гарантировать свое собственное будущее, спасти свою собственную жизнь, рискнуть своей собственной только для того, чтобы попытаться спасти женщину, у которой, честно говоря, вероятно, ничего не получится.

Но я никогда не говорил, что я рационален.

Приложив неимоверные усилия, я схватил камень, который прижимал ее к земле, и просто начал толкать изо всех сил, что у меня было, однако, как бы сильно я ни поднимал, большой кусок камня просто не поддавался, и в конце концов он изогнулся таким образом, что она закричала от боли.

— Рё-Рё, послушай меня. Беги. — Она попыталась выровнять дыхание из-за огромной боли, которую, вероятно, испытывает, однако не смогла сдержать ее.

Я почувствовал, как по моему лицу текут слезы.

— Нет, я подниму эту штуку и помогу тебе...

— Может, ты просто сделаешь, как тебе сказали, и убежишь? — Она закричала от гнева, разочарования и боли.

Чувство безнадежности, которое я испытывал, застряв в мире, сосредоточенном вокруг власти и сокрушающем слабых, обрушилось на меня с такой силой, что у меня закружилась голова.

Позади меня треснуло какое-то пылающее дерево, но я не обращал внимания на такие тривиальные вещи. Как мне выжить в этом мире, если у меня нет сил? Я даже не могу помочь единственному человеку, которого люблю.

Проклиная собственное бессилие и слабость, мои губы задрожали, когда дыхание Энни стало слабым, а по ее лицу заструился пот.

— Я не смогу, мама, если останусь жив, потому что тогда мне пришлось бросить тебя... тогда я... — Я не смог закончить, потому что моя мать прервала меня.

— Пожалуйста... ни один родитель не должен умирать вместе со своим ребенком. — Ее голос был тихим, но сильным. Она явно не хотела видеть, как я умираю.

То, как она смотрела на меня с мольбой, почти умоляя спасти себя, почти заставило меня захотеть сломаться и просто умереть прямо здесь и сейчас, умереть с единственным человеком, который когда-либо любил меня.

Но как бы мне ни хотелось лгать себе, что смерть была бы лучше, была бы легче, я был эгоистом и не мог отказать ей в просьбе просто спасти себя. Я был такой жалкой.

Сколько этот мир собирается отнять у меня, прежде чем мне будет нечего терять?

Со слезами на щеках и видя перед собой ограниченные возможности, в то время как Огонь распространялся с огромной силой, я сделал свой выбор.

— Мне жаль... Мне так жаль. — Я говорил надтреснутым и страдальческим голосом, как трус, прежде чем покинуть гостиную и свою мать, чтобы быть поглощенным пламенем, которое мир решил поджечь в нашем доме.

Я никогда не испытывал такого безмерного стыда и безнадежности за всю эту вторую жизнь. Никогда раньше я не ненавидел быть таким слабым.

http://tl.rulate.ru/book/99635/3416522